

Антихристианская сущность политики нацистской Германии в отношении Православной церкви на оккупированной территории БССР

Грищенко И. А.,

*старший преподаватель Гомельского государственного
технического университета имени П. О. Сухого*

В годы Великой Отечественной войны на оккупированной советской территории активно восстанавливалась церковная жизнь. Согласно официальным документам, на 1 января 1948 г. в Белоруссии насчитывался 1051 действующий православный храм, в том числе 302 в восточных областях [1, с. 172]. В Восточную Белоруссию, которая за годы советской власти была превращена в церковную пустыню, по благословению архиепископа Пантелеимона (Рожновского) были направлены миссионеры, насельники Жировицкого Успенского монастыря архимандрит Серафим (Шахмуть) и священник Григорий Кударенко. К моменту их прибытия в Гомеле действовали три храма. Здесь городские миссионеры находились с 4 июля 1942 г. по 26 сентября 1943 г., освятив за это время множество храмов в прилегающих районах. По сведениям Гомельского благочинного Николая Гейхрха, за годы оккупации в Гомельском районе было открыто 17 храмов. Кроме Гомеля была организована приходская жизнь в Красном, Еремино, Старой Белице, Бартоломеевке, Новых и Старых Дятловичах, Скитке, Ченках, Новобелице, Крупце (Урицкое), Прибытках, Бобовичах, Головине, Романовичах [2, с. 23–24]. Во время оккупации по ходатайству прихожан также были открыты храмы в Глубоцком, Гадичево, Поколюбичах [3, с. 36, 99, 130]. Такой всплеск религиозности удивил оккупантов, так как они рассчитывали на поддержку со стороны некогда гонимой православной церкви, по крайней мере на стадии ведения войны с СССР.

Однако обольщаться относительно лояльности оккупационных властей к православной церкви не приходится. Высшее руководство третьего рейха подчеркивало чуждость христианского учения нацистской идеологии, которая в основе своей имела неоязыческие корни. Всякие заигрывания с церковью, будь то католической, протестантской или православной, следует рассматривать исключительно как тактический ход нацистского руководства, а антихристианская позиция фюрера была вполне определенной: «Мы знаем, что христианство — всего лишь недолгая эпоха в истории человечества. Но в этом деле нельзя ломать через колено. Нужно подождать, пока церковь сгниет до конца, подобно зараженному гангреной органу. Нужно довести до того, что с амвона будут вещать сплошь дураки, а слушать их будут одни стару-

хи» [4, с. 50, 89–90]. А. Гитлер поставил перед собой цель «искоренить христианство в Германии, истребить его полностью вплоть до мельчайших корешков». Основой религии немцев, по мнению фюрера, должна была стать «вера в бога природы, в бога собственного народа <...> Или ты христианин, или язычник. Совмещать одно с другим невозможно» [5, с. 59].

Политика относительно православной церкви была сначала отработана на католической. Несмотря на конкордат нацистской Германии с Ватиканом, подписанный в Риме 20 июля 1933 г., который сохранял некоторые привилегии католической церкви в обмен на ее невмешательство в политические дела, нацистское руководство считало себя вправе исполнять условия соглашения ровно настолько, насколько ему это было нужно. С 1933 по 1936 г. Римским Папой было направлено 34 ноты протеста в адрес германского правительства, нарушавшего права католиков в Германии [6, с. 549]. Однако ни Пий XI, ни тем более Пий XII прямо не выступили с осуждением расовой теории национал-социализма или против Холокоста. Как относиться к практическому воплощению нацистской доктрины, католики и протестанты решали лично.

В отношении оппозиционно настроенных католиков и протестантов нацисты усилили репрессии. В 1938 г. в концлагере Дахау, «специализировавшемся» на духовенстве, находились 304 священника. За годы войны в Германии было рассмотрено 9 тыс. дел по обвинениям католиков в антигосударственной деятельности. В результате около 4 тыс. человек было казнено или замучено в концлагерях. Через Дахау за годы нацистского режима прошли 2720 священников, в том числе 22 православных [5, с. 69, 84]. В 1937 г. НСДАП заговорила о массовом выходе своих членов из католической церкви. С осени 1940 г. положение христианских конфессий в Германии ухудшилось. В стране ликвидировали 120 монастырей, еще ранее в присоединенной Австрии закрыли около 1000 [5, с. 77, 61]. К лету 1941 г. в Третьем рейхе были запрещены церковные издания, включая теологические журналы. Своеобразной репетицией проведения в жизнь антицерковной политики на оккупированной территории стала область Вартегау (часть Польши с центром в Познани). С сентября 1939 г. там проводилось последовательное уничтожение всех религиозных организаций, главным образом католических. К приходу советских войск 97 % храмов, существовавших до войны, и все монастыри были закрыты. Из 1900 священников более 90 % были арестованы, депортированы или убиты [5, с. 77]. В случае победы Германии в войне то же самое ждало христианские церкви всех деноминаций на территории Третьего рейха.

Планируя нападение на СССР, гитлеровское руководство рассчитывало активно использовать религиозный фактор. Между различными ведомствами в нацистской Германии существовали разногласия

по тактическому плану относительно церковной политики на оккупированных территориях. Военная администрация готова была к сотрудничеству с религиозными организациями с целью «замирения» местного населения, находящегося в тылу у частей вермахта. Высшее нацистское руководство выступало за активизацию антицерковной политики. Партийный идеолог НСДАП А. Розенберг, став министром оккупированных территорий СССР, 16 августа 1941 г. распространил циркуляр, определяющий религиозную политику нацистов: поддерживать религиозное движение, как оппозиционное большевизму, препятствовать консолидации отдельных церквей, использовать церковные организации для помощи немецкой администрации на оккупированных территориях [7, с. 510]. Глава РСХА Р. Гейдрих в указе от 16 августа 1941 г. отмечал: «О воссоздании прежней Патриаршей Русской Церкви не может быть и речи. Особо следует следить за тем, чтобы не состоялось никакого оформленного организационного слияния... православных кругов. Равным образом не надо препятствовать развитию сектантства на советско-русском пространстве» [5, с. 158]. Это соответствовало взгляду фюрера: «Следует избегать создания единых церквей. В наших же интересах, чтобы в каждой деревне была своя собственная секта со своими представлениями о боге, тем самым разъединяющие тенденции в русском пространстве еще более усилятся» [4, с. 198].

В октябре 1941 г. Генеральный Комиссариат Белоруссии заявил, что православная церковь может существовать только как автокефальная, и оговаривалось ее название — «Белорусская Автокефальная Православная Национальная Церковь». При этом нацистов совершенно не интересовала каноническая сторона дела, да в ней они и не разбирались, поскольку церковная автокефалия служила их ближайшим целям. В перспективе же православная церковь подлежала ликвидации. Для пресечения любой консолидации народа на оккупированных территориях было предпринято не только административное деление, не совпадавшее с границами советских республик, но также деление церковных округов с децентрализацией церковного управления. Оккупационные власти с опорой на националистов-коллаборантов предприняли шаги по отрыву Белорусской православной церкви (БПЦ) от Московской Патриархии. Националисты настаивали на белоруссизации БПЦ.

Неосведомленность оккупантов в канонах церкви была использована руководством БПЦ. Экзарх БПЦ митр. Пантелеимон (Рожновский) и сменивший его архиепископ Могилевский Филофей (Нарко) сделали все возможное, чтобы не допустить отделения БПЦ от РПЦ. Белорусская автокефалия, несмотря на официальное провозглашение 30 августа 1942 г., так и не была оформлена канонически [8, с. 333]. В мае 1944 г. архиерейская конференция БПЦ объявила постановления Со-

бора 1942 г. недействительными. Все белорусские архиереи, эмигрировавшие в 1944 г. в Германию, присоединились к Карловацкому Синоду, что подтвердило их общерусскую ориентацию [1, с. 173].

Непросто давать оценку церковной жизни в условиях немецко-фашистской оккупации. Власти требовали от духовенства лояльности. В среде духовенства находились те, кто был готов к активному сотрудничеству с оккупантами, преследуя корыстные цели. Со стороны духовенства компромиссы случались для сохранения не только своей жизни, но и прихожан. Как правило, верующие болезненно реагировали на втягивание церкви в пропагандистские кампании нацистов. Например, по требованию верующих и большинства православного духовенства из Гомеля был удален «архиепископ» Николай Автономов, принадлежавший к обновленческой церкви и проводивший в Петропавловском соборе Гомеля молебны в поддержку нацистской Германии [2, с. 23].

Под давлением нацистов Белорусская автокефальная православная церковь призывала не помогать партизанам и подпольщикам. Однако многие священники активно сотрудничали с подпольным и партизанским движением. Протоиерей Александр Романушко в письме митрополиту Алексию (Симанскому) осенью 1944 г. сообщал, что число священников в Полесской епархии уменьшилось на 55 % в связи с расстрелами их фашистами за содействие партизанам [1, с. 123].

Духовный опыт христианской Европы в противостоянии Креста и свастики не позволил мракобесию XX в. взять верх. Православная Церковь не только выстояла в годы Великой Отечественной войны, но своим служением Богу и Отечеству явила пример истинного патриотизма, который не отождествлял понятия «Родина» и «политический режим» и не подменял их друг другом. 22 июня 1941 г. митрополит Сергей (Страгородский), Патриарший Местоблюститель, в своем «Послании пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви» призвал не оставаться молчаливыми свидетелями происходящего и не предаваться «лукавым соображениям» о «возможных выгодах» по другую сторону фронта, что было бы «прямой изменой Родине и пастырскому долгу» [1, с. 119–120]. Если политиканство затронуло основы вероучения, вряд ли бы Православная Церковь устояла. Она сохранила свое единство благодаря ясности канонического сознания.

Список использованных источников

1. *Шкаровский, М. В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве / М. В. Шкаровский. — М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2005. — 424 с.

2. *Кривонос, Ф. П.* Незабвенный пастырь преподобномученик Серафим Жировицкий / Ф. П. Кривонос. — Минск: ВРАТА, 2016. — 52 с.

3. *Цыкунов, С. В.* Исторические сведения о приходах Гомельской епархии. Гомельский район / С. В. Цыкунов, В. Л. Ветошкин. — Гомель: Барк, 2017. — 212 с.

4. *Пикер, Г.* Застольные разговоры Гитлера / Г. Пикер. — Смоленск: Русиц, 1993. — 496 с.

5. *Шкаровский, М. В.* Нацистская Германия и Православная Церковь / М. В. Шкаровский. — М: Изд-во Крутицкого подворья, 2002. — 524 с.

6. *Норвич, Д.* История папства / Д. Норвич; пер. с англ. А. В. Короленкова и Е. А. Семеновой. — М.: АСТ, 2014. — 606 с.

7. *Регельсон, Л.* Трагедия Русской Церкви. 1917–1945 / Л. Регельсон. — М: Изд-во Крутицкого подворья, 2007. — 642 с.

8. *Архиепископ Афанасий Мартос.* Беларусь в исторической государственной и церковной жизни / Архиепископ Афанасий Мартос. — Минск: Изд-во Белорус. Экзархата, 2000. — 352 с.